

Белоус П.В.

О РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Период с 1914 г. по 1945 г. можно назвать «временем сильного помрачения европейского разума». Тема духовного кризиса в России начала XX в. изучена недостаточно, несмотря на определяющее значение. Ведь первичной причиной любого действия является внутреннее состояние человека. В данной статье предпринимается попытка изучить религиозное состояние российского общества предреволюционного времени, определившее поведение людей и ставшее «психологической подготовкой» к надвигающейся катастрофе октября 1917 г.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Тобольская епархия, религиозность, нравственность, общество, революция, интеллигенция, духовенство, вера.

Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы же эти могут держать массы лишь тогда, если они просты, высоки... одним словом, если они Божественны...
Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие!¹
С.Ю. Вумме

Говоря о религии и нравственности применительно к российскому обществу начала XX в., следует подчеркнуть разительный контраст в нем между материальными достижениями цивилизации и ужасной деградацией как религиозных и нравственных, так и политических и социальных ценностей. Пропаганда леворадикальных партий находила отклик не только в массе «темного» и необразованного народа. Напротив, сама интеллигенция поддавалась искушениям милитаризма, фашизма и коммунизма². Подобная податливость стала возможной из-за ослабления или утраты большей частью российского общества религиозных и нравственных идеалов. Религиозные обязанности в предреволюционное время воспринимались лишь как неизбежная формальность. Люди причащаются для получения обязательной бумажки или покупают эту бумажку у священника за три рубля. В забвении и пренебрежениями нравственными идеалами, как писал протоиерей Георгий Флоровский, «с особой резкостью сказывается <...> безответственность народного духа. И в ней завязка русской трагедии культуры»³. Ему вторит протоиерей Иоанн Восторгов, председатель Русского Монархического Союза: в современном ему обществе, – отмечает миссионер, – «царит какая-то непостижимая бесчувственность!»⁴.

Одним из признаков духовного кризиса в России начала XX в. является исключительная поглощенность людей материальным. Об этом пишет

Тобольский архиепископ владыка (Накропин)⁵: «Посмотрите на волчьи аппетиты любого класса населения»⁶: деревня продает городу сельские продукты «втридорога». На заработанные таким образом деньги народ пьянствует. Города сидят без хлеба, а мужички придерживают хлеб до высоких цен. «Деревенские бабы» продают для города молоко, яйца, масло по невероятным ценам и «не признают никакой совести»⁷. Таким образом, деревня «без удержу, без совести, цинично»⁸ морит голодом города, а последние не везут в деревню свои товары⁹. Подробно описывая меркантилизацию большинства народа, владыка указывает на горькую правду жизни: современное ему общество является христианским лишь номинально, вся энергия расходуется исключительно на удовлетворение материальных потребностей. Более того, современный человек тратит свои силы на отстаивание личных выгод, не считаясь с другими людьми. Сознание людей, отвергающих духовную жизнь, крайне секуляризовалось и совершенно охладело ко всему, не приносящему выгоду и достаток¹⁰. «Мы подавлены, поглощены материальными интересами, жизненной борьбой. Мы стали забывать свой храм»¹¹, – пишет владыка. Вопрос веры и жизни по вере «покрыт толстым слоем житейских забот». Исходя из этого, – пишет архиепископ, – ясно становится видна главная потеря: живая, деятельная вера и христианская любовь¹². По выражению П.Н. Милюкова, «Факты окостенения веры <...> были очевидны для всех»¹³. Таким образом, в начале XX в. явственно происходил процесс, в церковной литературе характеризуемый словом «обмирщение», т.е. состояние человека, все внимание которого поглощено исключительно внешней деятельностью, при глубокой внутренней опустошенности¹⁴.

Перед революцией в России меняется также отношение к духовенству. Оно не пользуется больше должным авторитетом в обществе, на священство смотрят как на людей низшего порядка, при этом весьма корыстолюбивых¹⁵. Тобольский священник приводит случай, когда на его просьбу помочь в выкладке фундамента для храма каменщик из его же прихода запросил три рубля в день. А на слова священника о невозможности столь высокой оплаты усмехнулся: «А ты помнишь, батюшка, за молебен с меня взял пятьдесят копеек!.. Вы, попы, любите с нас драть-то за все!»¹⁶. Слово «поп» в это время все больше становится бранной кличкой¹⁷.

При этом материальное положение рядового священства объективно оценивается не иначе, как «плачевное»¹⁸. Священство, служащее вне города, практически повсеместно и всегда жило на грани крайней нужды, что неоднократно отмечается в рабочих документах Тобольской духовной консистории¹⁹. В послереволюционное время материальное положение приходского священства еще ухудшается. Если в Центральной России к 1917 г. годовой оклад священника составлял 297 руб.²⁰, то в Тобольской епархии после февральской революции некоторые представители духовенства получали по 3 руб. в месяц²¹ (т.е. 48 руб. в год), что ставило их за грань бедности. Заштатные же священники вынуждены были вести поистине нищенское существование²². «Не в добрый видно час родилась наша русская свобода!»²³ – горестно пишет тобольский автор.

Помимо уменьшения финансирования из казны, финансовую помощь духовенству стали сокращать сельские общины (средства от которых являлись основным источником дохода священства). Например, прихожане Село-Антроповской церкви решают прекратить выдачу клирикам квартирных денег, при этом ходатайствуя об увольнении дьякона и псаломщика «за неимением средств содержать троих членов причта». При рассмотрении дела оказалось, что в селе 2738 взрослых человек²⁴, что вполне достаточно для содержания троих клириков, вовсе не имеющих казенного жалованья²⁵. В других местах прихожане отказались ремонтировать дом для причта²⁶, отправляли ничем не обоснованные доносы²⁷. Кое-где си-

туация доходит до изгнания прихожанами и членами причта неугодных клириков²⁸. В Великую Субботу в одном из храмов солдаты сорвали службу, заявив священнику, что «помещик-буржуй» недостойн причастия. В другом месте псаломщик и миряне, прервав службу, вывели священника из алтаря²⁹. Все эти факты свидетельствуют о том, что в 1917 г. само понятие религиозности и соответствующего отношения (хотя бы нейтрального) к служителям культа находилось в состоянии кризиса и упадка. В предреволюционное время меняется отношение общества и к архиереям. Тобольскому архиепископу Варнаве поступали угрозы: «Знаю я, что крепко бранят меня и не только бранят, но и убить собираются... Что же, пусть! Святых мучили за правду, а они радовались... Ведь я на то поставлен, чтобы останавливать вас от худого»³⁰.

Вместе с ухудшением отношения к духовенству меняется также отношение к храму и богослужению. «В самые святые и благословенные минуты высшего озарения и устремления, когда, чудится, небесный свет наполняет храм и ангелы витают над молящимися, у нас шмыгают, стучат сапогами, хлопают дверьми, оглушительно сморкаются и кашляют, бесцеремонно разговаривают вслух. И если бы это наблюдалось только в храмах, где большинство молящихся – простонародье, но то же самое и еще хуже наблюдается и там, где преобладает так называемая чистая публика»³¹, – писалось в Тобольских епархиальных ведомостях. Прихожане производимым шумом заглушали пение и чтение в храме, нарушая обыкновенные правила приличия. Молитва, произносимая о святом храме и входящих в него «с верой, благоговением и страхом Божиим»³², звучит здесь символически, но бессмысленно. Притом таковое происходит и в храмах с преобладанием интеллигенции. Впрочем, многие представители русской элиты давно прекратили жить церковной жизнью³³.

Преосвященный Андрей, епископ Уфимский, дополняет картину. Если взглянуть на само совершение богослужения в храмах, то окажется, что совершение его небрежно, чтение молитв непонятно, пение грубое и не молитвенное. Может быть, отчасти это и обуславливало неподобающее поведение людей в храмах. Епископ Андрей, великолепный знаток Богослужебного Устава, делает распоряжения, чтобы к церковному пению и чтению привлекали учащихся приходских и духовных школ; чтение при этом должно проходить на середине храма, чтобы избежать «той скуки и уныния»³⁴, которые наблюдаются при традиционном «дьячковском» чтении. Можно представить, каково было «профессиональное» чтение дьячка, если его рекомендуется заменить на чтение студентов. Проповедь, обязательная по Богослужебному Уставу, в большинстве храмов не произносилась. Евангелие дома не читалось – у большинства людей его просто не было. Все это свидетельствует о замирании и оскудении духовной жизни того времени.

Потеряв веру как основу своей жизни, – пишет архиепископ Варнава, – общество теперь тратит энергию в других областях и рассеивается: одни уходят в атеизм, другие под видом богоискательства – в мистицизм и различные оккультные течения, третьи стремятся заменить веру благотворительностью, иные – рассуждениями о политике и законах, о новых основах для церковной жизни. Искание нового и переоценка старого, неопределенность – также отличительные черты предреволюционного времени: «Не чувствуете ли вы, что мы оторвались или отрываемся от какого-то твердого основания и стремимся неизвестно куда?»³⁵ – тобольский архиепископ задает далеко не риторический вопрос. Владыка отмечает внутренние и внешние нестроения, увеличение количества сектантов, которые наверняка финансируются «политическими врагами народа русского», небывалое ослабление веры и церковной дисциплины. Таким образом, в России на почве «безверия, слабодушия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства»³⁶.

Далее следует сказать несколько слов о сохранявшихся «языческих пережитках». Тобольские авторы неоднократно упоминают «буйство языческой воли», «коснеющие в грубости язычества сердца». Из чего можно сделать вывод о духовном состоянии большинства народа. Народ не просто недостаточно усвоил истины христианства. Он еще оставался с языческими представлениями о жизни, поведении, о взаимоотношениях между людьми, о взаимоотношениях человека с Богом. Кое-где в деревнях медицинской помощи предпочитали колдовство, знахарство, нашептывания³⁷, – отмечает современник. Известно, что массовое появление всевозможных целителей, гадалок, ясновидящих свидетельствует о глубочайшем кризисе общества. В связи с законом о веротерпимости 1905 г. в России распространяется масса всевозможных сект, пророков, авантюристов; широкую популярность приобретают темные мистики³⁸. Тобольские ведомости констатируют факт развития сектантства, в том числе «изуверского», такого как хлыстовство и скопчество, причем как среди простого народа, так и среди интеллигенции³⁹. «Мы, имея явных наставников и пастырей, ищем тайных руководителей и не гнушаемся обещать им служить с преданностью пса», – писал архиепископ Варнава.

В последнее десятилетие «старой России» болезненной, но характерной формой православия становится жажда знамений, пророчеств и чудес, отыскивание юродивых и святых не как провозвестников воли Божией, но как чудотворцев и носителей сверхъестественной силы, – писал протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский⁴⁰. К этому следует добавить нарастание эсхатологических настроений и пророчеств о конце света, чувство страха и ощущение конца истории⁴¹. В такой сложной психологической обстановке существующие проблемы приобретали особую остроту.

Чудеса искали не только в православной среде. Газеты того времени пестрят объявлениями о «мгновенном и безошибочном», «научно верном заочном» предсказании будущего, обучении практической магии, дарующей необычайную власть и «всемогущество»⁴². Предлагаются «Толкователи снов», талисманы, привлекающие «окультурные магические таинственные силы», дарующие «немедленно все блага». Оказываются услуги по обучению гипнозу, подчинению своей воле. Также показательны частые объявления о лечении гонореи. Прав оказался немецкий мыслитель Якоб Бурхардт, говоря, что в России православная религия может распасться «на просвещение немногих и шаманство большинства»⁴³.

Кризис религиозности, нравственности и культуры был во второй половине XIX – начале XX вв. общеевропейским явлением и характеризовался как «период духовного упадка человечества»⁴⁴. Но особенности исторического развития России обусловили более яркое проявление «помрачения разума»⁴⁵ на территории огромной империи. На исходе 1916 г., – писал Александр Блок, – Россия была поражена «болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции»⁴⁶. Как стало очевидно через несколько лет, болезни как национальной, так и церковной жизни в России к 1917 г. были таковы, что ни «терапия», ни даже «хирургия» помочь не могли. Оставалось только «прижигать каленым железом»⁴⁷.

Описываемые кризисные явления исторически начались во второй половине XIX в. Философ А. Швейцер называл это время началом трагедии человечества⁴⁸. К XX в. проблемы религиозного и нравственного состояния российского общества усугубляются. Годы Первой мировой войны – следующий рубеж. Вместо ожидаемого сплочения, трезвения, рассудительности и успокоения военное время, по мысли Г.В. Флоровского, пробудило «ярость и буйство народной стихии». Предреволюционное время стало временем «зловещей духовной смуты». А в ходе самой революции «вся эта темная и ядовитая лава»⁴⁹ вырвалась на поверхность и затопила

Россию. По отношению к Русской церкви события февраля 1917 г. стали своеобразным «детонатором антирелигиозных настроений»⁵⁰. Падение царской власти означало и снятие всяких ограничений (как официально, так и психологически) касательно цензуры, критики и отношения к «господствующему» вероисповеданию. Барон Врангель писал: «С падением царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства»⁵¹. В том числе перед Богом и по отношению к Церкви. Ввиду этого характерными чертами того времени становились потеря чувства законности и забвение понятий о собственности, что создавало благоприятную почву «для разжигания в массах низменных страстей»⁵².

Эти «страсти» выражались в том числе в погромах и беспорядках. Факты поджогов помещичьих усадеб и убийств помещиков настолько известны⁵³, что о них стоит лишь упомянуть. Но ненависть «православного» крестьянства обращалась также в сторону православных монастырей. Уже в апреле 1917 г. крестьяне Пятковской волости Тобольской губернии своим «приговором» постановили отобрать у Сикменского монастыря весь земельный участок в 300 десятин и снести с него немедленно все постройки⁵⁴. В Кургане в это же время началось движение за то, чтобы отобрать причтовые земли⁵⁵. «Думал ли кто-либо, что должную свободу ожидают такие печальные результаты?»⁵⁶ – вопрошает тобольский автор. Причина видится им в пренебрежении народа к религиозно-нравственным обязанностям и традициям. Неверно понятая свобода привела русский народ к настоящей трагедии, трагедии «вольного греха», трагедии «ослепшей свободы»⁵⁷.

На фоне всеобщей духовной деградации развивались социальные болезни: нравственная опустошенность, разочарование и чувство безнадежности. Внутренняя боль человека того времени проявлялась «в трагедии одинокой личности, которую утрата веры в Бога – величайшая утрата этой эпохи – поставила перед лицом Абсурда»⁵⁸. Нарастало число самоубийств из-за несчастной любви, из-за бессмысленности жизни. «Нет никакого интереса к жизни <...> Тоскливо, скучно, а главное – одиноко»⁵⁹, – под этими словами Дмитрия Богрова могло бы подписаться немалое количество современников. В конце 1916 г. французский посол в России Морис Палеолог пишет: «Среди симптомов, позволявших мне сделать весьма мрачное заключение о моральном состоянии русского народа... является неуклонный рост в последние годы количества самоубийств»⁶⁰. За последнее предреволюционное десятилетие число самоубийств в крупных городах – Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, Одессе – утроилось и даже учетверилось. Две трети несчастных не достигли и 25 лет. Причинами болезни указывались психические расстройства, «неврастения, меланхолия, ипохондрия и полное отвращение к жизни». Сам факт повышения числа самоубийств говорит о том, что «в самых недрах русского общества действуют скрытые силы дезинтеграции»⁶¹. Протоиерей Георгий Флоровский назвал это время временем «массового гипнотического отравления», обусловившем беспокойство, тревогу, темные предчувствия⁶².

Конечно, говоря об отрицательных моментах религиозного и нравственного состояния русского общества начала XX в., нельзя не указать и на положительные явления того времени. Вместе с падением авторитетов, нивелированием прежних идеалов и разлетающимися в прах теориями происходит и обратная реакция. Изредка, но встречается, что прежний анархист защищает самостоятельность Отечества, а космополит становится патриотом и националистом⁶³. Яркий пример – профессор С.Н. Булгаков: в 38 лет, разочаровавшись в марксизме, он возвращается в лоно православной церкви и в 1918 г. принимает священство. Из рядов марксистов вышли Н. Бердяев, С. Франк, П. Струве. Блестящие умы России, пройдя путь «от марксизма к идеализму»⁶⁴, говорили о политической и духовной

ответственности образованной части общества. Но религиозный и культурный подъем начала XX в., к сожалению, не имел широкого резонанса и не затронул народную массу. Суть проблемы была в том, что узкий религиозный и культурный ренессанс шел параллельно с обширным духовным декадансом⁶⁵. «Культурный ренессанс», «подъем поэзии и философии», «предчувствие катастроф» – в этих ключевых словах запечатлены характерные черты духовной жизни России начала XX столетия⁶⁶.

Перефразируя слова известного историка и философа Арнольда Тойнби⁶⁷, можно сказать так: духовный регресс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший общественный регресс, чем какой-либо иной процесс. К сожалению, религиозный и нравственный регресс общества стал данностью в начале XX в., по мере приближения к революции 1917 г. лишь усугубляясь. Общество, стремительно разлагаясь нравственно и духовно⁶⁸, само не осознавая своей безответственности и своего падения, в растущей «мистической неверности» и непостоянстве стремительно приближалось к трагедии, в конце концов приведшей русский народ к «духовному рабству»⁶⁹ коммунистической идеологии.

И если христианство дало русскому народу рождение государства и православной культуры⁷⁰, то чем более он отходил от христианских нравственных (а зачастую и простых человеческих) принципов, тем более приближался к катастрофе Октябрьского переворота 1917 г.

Библиографический список

Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. – Берлин: Слово, 1922. – Т. I. – С. 330.

Дэвис Н. История Европы. – М.: Транзиткнига, 2005. – С. 665.

Миллюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 57.

Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. – М., 2009. – С. 635-636.

Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-1918 гг.). – М., 2002. – С. 26.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. – Берлин: Слово, 1922. – Т. I. – С. 330.

² Дэвис Н. История Европы. – М.: Транзиткнига, 2005. – С. 665.

³ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. – М., 2009. – С. 635-636.

⁴ Предкрестие // Тобольские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1917. – № 40. – С. 557.

⁵ Архиепископ Варнава (Накропин) занимал Тобольскую кафедру с ноября 1913 г. по март 1917 г.

⁶ Призыв к пастве Тобольской епархии // ТЕВ. – 1917. – № 7. – С. 73.

⁷ ТЕВ. – 1917. – № 5. – С. 83-85.

⁸ Куда идет Россия? // Там же. – С. 83.

⁹ Из церковной проповеди // ТЕВ. – 1917. – № 42. – С. 583.

¹⁰ На всякий день и час // ТЕВ. – 1917. – № 39. – С. 546.

¹¹ Призыв к пастве Тобольской епархии... – С. 74.

¹² Там же. – С. 75.

¹³ Миллюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 57.

¹⁴ Венценосная семья. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2010. – С. 3.

¹⁵ Заметка // ТЕВ. – 1917. – № 1. – С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Как уважают священников в культурных странах // ТЕВ. – 1917. – № 25. – С. 349.

¹⁸ Морис Палеолог. Распутин. Воспоминания / пер. Федора Ге. – М., 1923. – С. 73.

¹⁹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 297. Л. 6-8, 11, 48, 74; Д. 299. Л. 43, 43об, 176.

²⁰ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-1918 гг.). – М., 2002. – С. 26.

²¹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 300. Л. 335-338.

²² Там же. Д. 299. Л. 176.

- ²³ Отечество на краю гибели // ТЕВ. – 1917. – № 21. – С. 302.
- ²⁴ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 300. Л. 79.
- ²⁵ Из 42713 приходов в Российской империи к 1917 г. жалование получали клирики лишь 35516 из них. Почти 26 тыс. священников по стране окладов не получали.
- ²⁶ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 14. Д. 299. Л. 48-49.
- ²⁷ Там же. Л. 6-7.
- ²⁸ ТЕВ. – 1917. – № 27. – С. 379.
- ²⁹ Из епархиальной хроники // Там же. – С. 380.
- ³⁰ Слово Высокопреосвященнейшего Варнавы // Там же. – № 8. – С. 121-123.
- ³¹ Там же. – № 5. – С. 79-80.
- ³² Всеночное бдение и литургия. Русская Православная Церковь. – М.:Изд-во Московской патриархии, 2000. – С. 9.
- ³³ Фирсов Сергей. Горький юбилей. К 100-летию со времени отлучения от Церкви Льва Толстого // НГ-Религии. – 2001. – № 5 (76). – С. 8.
- ³⁴ Иноепархиальные известия // ТЕВ. – 1917. – № 7. – С. 114-115.
- ³⁵ Призыв к пастве Тобольской епархии... – С. 73.
- ³⁶ Истинное Православие и современный мир: Сб. статей. – Джорданвилль, 1971.
- ³⁷ Духовенство и современное прогрессивное общество // ТЕВ. – 1917. – № 6. – С. 99.
- ³⁸ История России. XX век: 1894-1939 / под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель; АСТ, 2009. – С. 269.
- ³⁹ ТЕВ. – 1917. – № 17. – С. 241.
- ⁴⁰ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – С. 296.
- ⁴¹ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... – М., 2002. – С. 102, 105.
- ⁴² Еженедельный художественно-литературный журнал «Огонек». 13 (26) августа 1917. – № 30-31.
- ⁴³ Цит. по: С.Л. Фирсов. Русская Церковь накануне перемен... – С. 47.
- ⁴⁴ Кризис сознания: Сб. работ по философии кризиса. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 5.
- ⁴⁵ Дэвис Н. История Европы... – С. 664.
- ⁴⁶ Последние дни императорской власти. По неизданным документам / сост. Александр Блок. – Пг.: Алконост, 1921. – С. 7.
- ⁴⁷ Андрей Кураев. Ошибки миссионера. – М., 2012.
- ⁴⁸ Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. – М.: Прогресс, 1973. – С. 16.
- ⁴⁹ Пути русского богословия... – С. 632.
- ⁵⁰ Русская Православная Церковь. XX век. – М.: Сретенский монастырь, 2008. – С. 76.
- ⁵¹ Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 ч. 1916-1920. – М.: Центрполиграф, 2006.
- ⁵² Русская Православная Церковь. XX век... – С. 76.
- ⁵³ История России. XX век. – М.: Аванта+, 1995. – С. 141.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 240. Л. 7, 9.
- ⁵⁵ Там же. Л. 10.
- ⁵⁶ ТЕВ. – 1917. – № 38. – С. 540.
- ⁵⁷ Пути русского богословия... – С. 636.
- ⁵⁸ Богданов А.В. Между стеной и бездной. Леонид Андреев и его творчество. <http://leonidandreev.ru/biography/bogdanov.htm>
- ⁵⁹ Ларин Александр. Словарь убийц. – М.: АСТ, 1997. – С. 88.
- ⁶⁰ Палеолог Морис. Дневник посла. – М.: Изд-во И. В. Захаров, 2003. – С. 633-634.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Пути русского богословия... – С. 632.
- ⁶³ Исповедь социалиста // ТЕВ. – 1917. – № 18. – С. 252-253.
- ⁶⁴ Булгаков Сергей. От марксизма к идеализму: Сб. статей (1896-1903). – СПб., 1903. – С. 5.
- ⁶⁵ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен... – С. 104.
- ⁶⁶ Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 3.
- ⁶⁷ «Духовный прогресс индивидуальных душ в этой жизни фактически обеспечивает значительно больший общественный прогресс, чем какой-либо иной процесс»// Тойнби. Постигание истории. – М., 1991. – С. 515-516.
- ⁶⁸ История России. XX век: 1894-1939... – С. 269.
- ⁶⁹ Пути русского богословия... – С. 636.
- ⁷⁰ История России. XX век: 1894-1939... – С. 20.